

Хетагурова Кристина Инарбековна

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ ОСЕТИНСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЗИНАИДЫ ХОСТИКОВОЙ)

Феномен женской поэзии в статье рассматривается на примере лирики первой осетинской поэтессы Зинаиды Хостикоевой. Описываются пути творческих достижений яркой, самобытной, одарённой личности. Подчёркивается необходимость дальнейшего изучения её творчества, переложения стихотворений поэтессы на русский язык, так как настоящий смысл её творческого наследия остаётся скрытым от широкого читателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 207-210. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

и всех мусульман возносить молитвы благодарности благословенному духу Пророка: *Ради Любимого своего Аллах Всевышний / Дал нам [щедро] богатства столько. / Нам же следует множество раз / Молитвы вторить благословенному духу Пророка* [Там же, б. 9].

Благодарность (*шукр*), как известно, в суфийской иерархии стадий духовного возвышения (*макамат*) наряду с любовью (*махабба*) представляет одну из основных стадий. Поэтому суфии придавали большое значение этому духовному состоянию (*хал*), выдвигая тезис о том, что истинный суфий должен быть одинаково благодарен Всевышнему и в радости, и в горе. Среди ранних аскетов выделялись и те, кто в ниспосланных страданиях, горе видели особый знак любви Аллаха и были благодарны еще больше.

Таким образом, для татарского поэта библейское повествование о Самсоне и его возлюбленной Далиле является поучительным и этическим по своему содержанию. Он использует это повествование в качестве назидания и урока для людей верующих и размышляющих. При этом автор дает яркую индивидуальную интерпретацию, внося дополнительные детали в сюжетную линию рассказа, максимально приближая его к восприятию татарским читателем. Для него детали, сюжетная линия, стиль повествования является лишь фоном. Отступления от основной линии сюжета, где автор делится своими размышлениями с читателем, выводы, к которым приходит, – вот на чем акцентируется внимание читателя; это то, в чем заключена «соль» рассказа.

Список литературы

1. **Гыйбрэтле хикэятлэр** // Кульязмаларны басмага эзерләуче, хэзерге эдэби телгә күчерүче һәм рәссам-бизәүче Нәжип Нәккаш-Исмәгыйль. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 174 б.
2. **Каргалый Ә.** Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. Казан: Казан ун-ның табгыханәсе, 1889. 34 б.
3. **Мухаммад Ю. Х.** Энциклопедия суфизма / пер. с араб. М.: Изд. дом «Ансар», 2005. 479 с.
4. **Сибгатуллина Ә.** Татар әдәбиятында суфичылык (чыганақлар, тематика һәм жанр үзенчәлекләре): филол. ф. д-ры ... дисс. Алабуга, 2000. 380 б.
5. **Хольмстрем И. Н.** Стратегия интерпретации французского поэтического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 187–190.
6. **Gardet L.** Karāma // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden: E. J. Brill, 1997. Vol. IV.

BIBLICAL PLOT ABOUT SAMSON IN CREATIVE WORKS OF TATAR SUFI POET ABUL'MANIKH KARGALYI

Khasavnekh Alsu Akhmadullovna, Ph. D. in Philology

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
alise_12345@mail.ru

The author presents the comparative analysis of story “On Shamsun Batyr and his Greedy Wife” by A. Kargalyi, which is Sufi in content, and the biblical version of narration about Samson, pays special attention to outstanding author’s interpretation of this plot by the Tatar author, and emphasizes that A. Kargalyi draws readers’ attention to the ethical and didactic aspects of the story.

Key words and phrases: Sufism; Kargalyi; biblical plot; Samson; Shamsun; literary interpretation.

УДК 8С(осет.)

Филологические науки

Феномен женской поэзии в статье рассматривается на примере лирики первой осетинской поэтессы Зинаиды Хостикоевой. Описываются пути творческих достижений яркой, самобытной, одарённой личности. Подчёркивается необходимость дальнейшего изучения её творчества, переложения стихотворений поэтессы на русский язык, так как настоящий смысл её творческого наследия остаётся скрытым от широкого читателя.

Ключевые слова и фразы: женская поэзия; феномен; оригинальность; творческий путь; судьба незаурядной личности; национальный колорит.

Хетагурова Кристина Инарбековна, к. филол. наук
Северо-Осетинский государственный педагогический институт
kristina.ki-ka@yandex.ru

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИРИКИ ОСЕТИНСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЗИНАИДЫ ХОСТИКОЕВОЙ)©

Поэтический талант сам по себе – явление изумительное, но он становится более пленительным, когда им владеет женщина. Справедливо, что поэзию не следует делить на мужскую и женскую. Но всё же существует мир образов и мыслей, созданный талантом и вдохновением женщины.

Покровительница лирической поэзии Евтерпа – одна из девяти муз – изображается древними в виде молодой прекрасной женщины с двойной флейтой в руках. И это не случайно: Евтерпа дарит нам и вдохновение, и стихи, и музыку. Евтерпой для осетинского народа стала профессиональная поэтесса Зинаида Ахметовна Хостикоева.

Самобытное поэтическое творчество Хостикоевой – яркое, незаурядное явление в истории современной осетинской литературы. Феномен её личности невозможно переоценить. Впервые лирика осетинской женщины заставила обратить на себя внимание научный мир, а также ценителей настоящего таланта.

На съезде осетинских писателей в 1953 году Дабе Мамсуров с тревогой говорил, что Осетии на поэтесс не везёт. У нас появлялись женщины, которые начинали писать стихи, но все они уходили, так ничего не сделав в поэзии. Но не произнёс Дабе Мамсуров слов, которых ждала поэтесса, не сказал он: «Зинаида, а я в вас верю...». Только добавил: «Боюсь, что и Зина Хостикоева тоже последует за ними» [5, с. 401].

Эти слова заставили Зинаиду Хостикоеву глубоко задуматься: «Неужели осетинке не суждено стать поэтессой, петь о наших удивительно голубых, с белыми папахами горах, о бушующем Тереке! Неужели осетинке не суждено в своих стихах рассказать о её вековых страданиях, воспеть её настоящее счастье, красоту и нежность любви! Как же можно не петь о родной Осетии, о смелых, трудолюбивых горцах! В душе я, конечно, не согласилась с Дабе Мамсуровым... Почему же я не смогу устоять в поэзии? Мне очень хотелось доказать уважаемому писателю, что осетинка может стать поэтессой, и он сам тоже очень хотел этого. Мамсуров всё время следил за моими шагами в поэзии и помогал советами. Будучи уже тяжело больным, он сам делал подстрочные переводы моих стихов, чтобы послать меня учиться в Московский литературный институт им. М. Горького» [Там же, с. 402]. И она поехала в Москву, чтобы поступить в Литературный институт. И поступила... Годы учёбы в столице стали для неё своеобразным испытанием на прочность. Ведь она впервые оказалась здесь вдали от дома, родных людей, привычных мест:

Я приехала в гости сюда, а не жить,
Сердце краем родным должно дорожить.
Дома есть, кому слушать, кому понимать –
И любимые сёстры, и мудрая мать.
Но в Осетии горной, отсюда вдали,
Буду помнить тепло твоей доброй земли.
Пыль дороги, что нас разлучит, разведёт,
Сединою на волосы мне опадёт [6, с. 9]
(пер. С. Кузнецовой).

Имея таких предшественниц, как Роза Кочисова в драматургии и Езетхан Уруймагова в прозе, Зинаида Хостикоева устояла в поэзии. Она смело появилась в рядах талантливых представителей молодой осетинской поэзии. Смогла с огромной гордостью заявить о себе как об истинном поэте, как о «бунтаре», способном на безрассудные и оригинальные шаги в мире искусства. Явления поэзии рассматриваются Зинаидой Хостикоевой с точки зрения поэта-мыслителя с позиции современной этики и эстетики в контексте нравственных исканий социально-исторической и философской мысли, и это придаёт её творчеству современное звучание.

Путь к познанию истины нелёгок. Много препятствий и трудностей на дороге исканий. Глубоко впитав в себя каждую строчку Коста Хетагурова, Хостикоева шла своим, далеко не проторенным путём. Её соплеменницы не оставили ей в качестве учебников своих стихов, разве что звучали ритмические причитания народных плакальщиц. И если Сильва Капутикян, например, лирику черпала из родников средневековой армянской поэзии, то Зинаида Хостикоева захлёбывалась изнутри мощным потоком переживаний, искала свою струну, свою стезю и создавала насыщенные любовью стихи-молитвы, стихи-песни, современные по форме, народные по сути:

О, сердце, сердце! Ты не смей
На отдых ускользать от дела,
И в оскорблении сумей
Любить, не ведая предела.
Сумей и в громе, и в тиши
Своею волею всевышней
Порадоваться от души
Цветенью запоздалой вишни [3, с. 19]
(«Сердцу», пер. В. Журавлева).

Поэзия Зинаиды Хостикоевой богата тематическим разнообразием. Её лирические стихи о вечных чувствах любви и верности, о непростых взаимоотношениях мужчины и женщины подкупают глубокой искренностью, чистотой и благородством романтической природы. Первые сборники стихов Зинаиды Ахметовны были высоко оценены её современниками, маститыми поэтами и литературными критиками. Среди них Георгий Бестауты, Хаджи-Мурат Дзуццаты, Нафи Джусойты, Фёдр Гаглоев (Гафез), Шамиль Джикаев. «Осетинскую поэзию Зина украсила нежным девичьим сердцем. Она привнесла в неё женскую радость и печаль, украсила её нетронутыми чувствами. Она внесла в осетинскую поэзию своё видение мира, насытив её красочными женскими впечатлениями» [2, с. 3], – писал Георгий Бестауты после появления в свет сборника стихов «Утренняя роса».

В лирике З. Хостикоевой, как и подобает этому жанру, выразилась душа поэта, личные переживания, чувства и мысли. Каждая строчка Зинаиды Ахметовны – это целая книга женской души. Но личное только тогда становится содержанием подлинной лирики, когда в ней одновременно выражается и внутренний мир автора, и мир в широком смысле этого слова, с которым личность органически слита. Лирика становится типическим явлением искусства, когда чувства и мысли поэта созвучны многим людям, находя отклик в их душах, не говоря уже о том, когда они включают в себя общечеловеческое содержание. Всё это мы видим в творчестве З. Хостикоевой, выходящей далеко за рамки и её личности, и её времени. Вот почему она близка всем поколениям.

Ещё никто так откровенно не исповедовался перед читателем, как З. Хостикоева, однако нельзя ставить знак равенства между её лирической исповедью и фактами её жизни. Конечно, её стихотворения искренне и честно выражали душевную боль, смятение разума и чувств, житейскую неприкаянность. Но в самом существе её лирики содержится нечто созвучное переживаниям и настроениям многих людей, что делает её лирику явлением общественным, так как в ней показана жизнь и правда поэзии.

Лучшие стихотворения З. Хостикоевой привлекают естественностью, теплотой, умением автора сердечно рассказать о заботах и радостях женщины, о её чистоте целеустремлённости, о материнском долге. Поэзия её полна любви, отчаяния и страданий. Становится очевидным, что З. Хостикоева непримирима к таким отрицательным явлениям, как мещанство, лесть, трусость, равнодушие, карьеризм, стяжательство.

Любовная лирика была «ахиллесовой пятой» осетинской поэзии на протяжении долгого времени. Произведения многих осетинских писателей, посвящённые теме любви, «страдали» отсутствием в них элементов интимности, сокровенности, так необходимых в любовной лирике.

Небывалая, необъяснимая для её времени откровенность, открытость чувств присущи интимной лирике Зинаиды Хостикоевой. Поэзия её не «страдает» отсутствием элементов интимности. Напротив, поэтесса не таится, как подобало бы по обычаю, не скрывает, что неутолённая её любовь «словно пламя костра». Этим она заслуживает звание «бунтаря», одной из первых в осетинской поэзии, которая смело пишет о своих самых сокровенных мыслях, чувствах. Делает это открыто, не боясь строгой критики. Поэтесса со всей откровенностью, вольно и даже дерзко выплёскивает на бумагу свои эмоции. Мы видим человека, подверженного любовной страсти, которую можно охарактеризовать даже как любовную горячку, столь не присущую, казалось бы, осетинской женщине. Стихотворения же её – это песни страсти, открывающие заповедные тайники женского сердца. Именно Зинаида Хостикоева первая переступила «табу», наложенное на пределы женской исповедальности.

Невыносимая тяжесть любви подспудно всегда была соавтором всех творений поэтессы. Любовь во всех её проявлениях: любовь к родине, к матери, к мужчине, к человеку, к другу, к жизни, к писательскому труду, к невинным жертвам Афганистана, Северной и Южной Осетии, к животному миру, к природе – всё это затрагивает души ценителей поэзии З. Хостикоевой. Мотивами поэтессы, цементирующими стих, являются раздумья об уходящей молодости, о противоречиях в любви, о разладе между чувством и разумом, о нравственном очищении и т.д. Зрительная предметность лирики З. Хостикоевой сопутствует типизации человеческих чувств, поскольку она связывает внутренний мир человека с внешним миром. Плодотворен и другой путь развития лирической темы – от живого созерцания внешнего мира к раздумьям о судьбах человека и человечества.

Зинаиде Хостикоевой принадлежит первая удачная попытка с особой выразительностью нарисовать вечную молодость осетинского национального характера глазами женщины, матери, патриота. Она не только изобразила, но и влила в это неповторимое ощущение своеобразный поэтический драматизм. В традиционный для осетинских поэтов мотив она внесла черты милосердия души и реальности бытия, которые органично увязала с идеей верности отечеству, с самопожертвованием ради его будущего. Поэзия Зинаиды Ахметовны Хостикоевой – это как исповедь влюблённой женщины, так и исповедь человека, живущего всеми бедами, болями и страстями своего времени и своей земли. Чувством сострадания и благодарности пронизаны строки стихотворения «Эхо войны»:

Я не знаю, кто здесь похоронен:
Может, русский, может быть, блондин...
Я не знаю, кто здесь похоронен:
Может, русский, может, осетин.
Здесь война как эхо отдаётся,
Вой орудий вместе с ним уснул...
Так в морских ракушках остаётся
Навсегда большого моря гул [5, с. 406].

«Человеком чувствую себя только с пером в руке», – писала Анна Ахматова. Живя в трудное время, невзирая на бытовые неурядицы и трагические события в родном краю и в личной жизни, преследовавшие З. Хостикоеву, она также видела смысл своего существования в служении поэзии. Для Зинаиды Ахметовны поэзия была больше, чем жизнь. «Поэзия – Бог. Он в нас!» [7, с. 49] – уверяла она, проявляя уверенность и смелость, так как на Кавказе никогда не одобрялась подобная деятельность женщины, её желание творить принималось всегда с критикой и открыто осуждалось. «Лекарством для души» была поэзия для Зинаиды Хостикоевой. Она писала: «...когда мне бывает особенно трудно, я, как никогда, хочу петь, хочу писать стихи. Настоящая поэзия – самое лучшее лекарство для души. С ней приходит столько нежного, красивого и одновременно мужественного!» [5, с. 402].

С помощью художественно-образительных средств З. Хостикоева выражает безграничную любовь, преданность, восхищение, благодарность и уважение к матери в стихотворении «Забота». Используя четыре, казалось бы, самые обыкновенные, незатейливые метафоры – «заря», «сияющее солнце», «надежда в жизни», «огонь отчего дома», связанные углубляющейся, проникновенной интонацией, плавной ритмикой, поэтесса ярко, точно и полно выражает свои чувства и отношение к матери.

Всем образным средствам языка З. Хостикоевой свойственна, прежде всего, исключительная эмоциональность. Содержание её стихотворений зависит от характера этой эмоциональности и может быть то проникновенно-нежным, то патетическим, то гневным, то радостным, то грустным.

При переводах лирики переводчик должен хорошо знать личность поэтессы, характер её фразы, особенности фразеологии возрастившего её народа. Как пишет исследователь Иржи Левый, «современная теория перевода настойчиво подчёркивает необходимость сохранения национальной и исторической специфики оригинала» [4, с. 127]. Кроме того, «перевод не механическое переложение оригинала, а его концептуальное прочтение» [8, с. 6]. От неправильного или недостаточно глубоко «концептуального прочтения» (т.е. интерпретации переводимого произведения) больше всего страдают национально-самобытные талантливые творцы. «Правильные» стихи более слабых поэтов при переводах возвышаются до среднего уровня, тем более что «представители “чисто” переводческого искусства способны создавать шедевры, отмеченные той же печатью первородности, что и произведения больших национальных поэтов их страны» [1, с. 205].

Хотя певцам малой родины вносить свой вклад в мировую литературу намного сложнее, примеры уже есть. Творчество Хостикоевой ждёт хорошего переводчика, готового вложить душу в благое, достойное дело – показ высокого уровня творческого наследия поэтессы. З. Хостикоеву знали и любили в Москве и Грозном, Нальчике и Майкопе, Махачкале и Черкесске. Она работала над переводами произведений писателей соседних республик на осетинский язык, её стихотворения также переводили в Москве и республиках Северного Кавказа. Творчество З. Хостикоевой представлено русскоязычному читателю переводами Л. Дмитриевой, В. Журавлёва, И. Озеровой, А. Брагина, В. Цыбина, Ив. Бурсова, И. Елисеева, А. Боброва, Г. Павловской, Н. Скребова и т.д. Но основными переводчиками произведений Хостикоевой стали А. Греков и С. Кузнецова. Однако, как и в большинстве переводов, вся красота стиха поэтессы далеко не передана: «если переводы А. Грекова оставляют двойное впечатление (встречаются и удачные, и неудачные переводы), то этого нельзя сказать о переводах С. Кузнецовой» [9, с. 107]. На примере лирики Зинаиды Хостикоевой можно заключить, что, к сожалению, переводчики часто пытаются обойти стороной исконно национальные понятия, отражённые в подлиннике, искажая сюжет, допуская отступления от текста, опуская на ступеньку ниже уровень поэтического звучания оригинала.

Зинаида Хостикоева родилась накануне Нового года, в 1937 году, и ушла из жизни также накануне Нового года, в конце 1995 года. Загадочны и таинственны были её трудная жизнь и неожиданная смерть. Во многом ещё непонятной, неизученной остаётся и её поэзия. Оценки, данные ей современниками ещё при жизни, пристрастны, поверхностны, односторонни, поэтому крайне нуждаются в пересмотре. В тех немногих публикациях, в которых речь идёт о её творчестве, есть констатация того, что она является первой поэтессой Осетии. Данный факт феноменален и немаловажен для осетинского народа. Но настоящий смысл её творческого наследия пока остаётся скрытым от широкого читателя.

Список литературы

1. Абушвили А. Б. За строкой лирики. М.: Советский писатель, 1989. 208 с.
2. Бестауты Г. Чызджы зарда // Советский Иристон. 1968. 7 февр.
3. Кодзати А. М. Я пришла, чтобы петь... // Литературная Осетия. 1975. № 46.
4. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 398 с.
5. Хостикоева З. А. // Песнь, мечта и любовь: поэтессы Советского Союза / сост. М. В. Завадская. М.: Детская литература, 1969. Кн. 1. 438 с.
6. Хостикоева З. А. Песнь водопада: стихотворения. М.: Советский писатель, 1981. 72 с.
7. Хостикоева З. А. Святость: стихотворения. Владикавказ: Ир, 1998. 256 с.
8. Цыбулевский А. По ту сторону подстрочника // Дом под чинарами: сб. Тбилиси: Мерани, 1974. 243 с.
9. Чибирова М. Л. Художественный перевод и проблема национального колорита. Владикавказ, 2006. 156 с.

WOMEN'S POETRY PHENOMENON (BY THE EXAMPLE OF LYRICS OF OSSETIAN POETESS ZINAIDA KHOSTIKOEVA)

Khetagurova Kristina Inarbekovna, Ph. D. in Philology
North Ossetia State Pedagogical University
kristina.ki-ka@yandex.ru

The author considers women's poetry phenomenon by the example of lyrics of the first Ossetian poetess Zinaida Khostikoeva, describes the ways of vivid, original, gifted personality's creative achievements, and emphasizes the need for further study of her creative works and poetess's poems versification into the Russian language, as the true meaning of her creative legacy remains hidden from the general public.

Key words and phrases: women's poetry; phenomenon; originality; creative way; outstanding personality's fate; national flavor.